

Глава 44. Старые сны (15)

Жун Жо, мягко улыбнувшись, поклонился женщине в знак благодарности.

— Премного вам благодарен, госпожа, за ценные сведения.

Та, уже собираясь уходить, не удержалась от напоследок брошенного взгляда на Цзян Ехуна, полного нескрываемого пренебрежения.

— Вот этот белолицый малый — сразу видно, из благородных, умеет слово молвить. Не то что этот дылда с лицом каменным, точно страж у врат. Глядит волком, рта раскрыть не умеет... С таким нравом он себе жену вовек не сыщет, помяните моё слово!

— Ты!.. — Цзян Ехун аж позеленел от ярости.

Жун Жо поспешно придержал его за рукав:

— Глава Чу, не принимайте близко к сердцу. Видно же, что женщина просто остра на язык.

— Я... ей сорок лет с гаком, как мне её ещё величать, если не тётушкой? — возмутился Ехун, прислонившись к стене и продолжая кипеть от негодования. — Ишь, дылда хмурый... Ну высокий я, и что с того? Почему это я жену не найду? До печёнок пробрала, право слово.

— Вероятно, госпоже показалось, что «тётушка» звучит слишком уж буднично, — примирительным тоном отозвался Жун Жо. — Кто же не хочет казаться моложе? Постарайтесь её понять.

Цзян Ехун лишь фыркнул, не желая продолжать спор, но вскоре заговорил уже о деле:

— Ладно, бог с ней. Если верить её словам, детство У Юя было безрадостным и нищим. У У Хуэйюнь, может, и не всегда водились такие деньги, как сейчас, но уж на кусок хлеба ей точно хватало. Почему же она знать его не хотела?

— Сам не пойму, — покачал головой Жун Жо. — К тому же признала она его лишь после смерти старшего брата, У Хуэйчжоу, объявив всем, что это его незаконнорожденный сын. Глава Чу, пойдёмте внутрь.

При взгляде на дверной полог сердце Ехуна невольно ёкнуло. Он инстинктивно заступил дорогу спутнику и кончиком меча осторожно откинул занавеску. Несмотря на то что прошли сутки, в комнате всё ещё стоял тяжёлый, липкий запах крови. Цзян Ехун закрепил полог, давая помещению проветриться, и высек искру, зажигая свечу.

— Отчего здесь так темно?

Жун Жо указал на окна:

— Глядите, они наглухо забиты. Странно... зачем кому-то замуровывать окна в жилом доме?

Под ногами Цзян Ехуна темнели засохшие пятна крови. Слуги из поместья принца Унаня рассказывали, что нашли здесь У Юя, подвешенного под потолком, точно безвольная марионетка. Пока Ехун осматривался, Жун Жо перебирал вещи в шкафу.

— Одежда совсем новая, постель чистая, на столе ни пылинки. Судя по всему, У Юй жил здесь постоянно.

На самом дне комода Жун Жо наткнулся на шкатулку. Внутри лежал дорогой браслет из белого нефрита в золотой оправе, на котором красовался искусно выгравированный иероглиф «Вань».

— Судя по чистоте камня, вещица не из дешёвых, — заметил он. — Если У Юй рос в нужде, откуда у него такое сокровище?

Цзян Ехун взял браслет, взвесил на ладони.

— Мог вытянуть денег у У Хуэйюнь и купить. Может, подарок для зазнобы?

В этот момент Жун Жо, возвращая шкатулку на место, случайно зацепил краем рукава какую-то ткань в глубине ящика. Он потянул её на себя, но тут же, явно смутившись, поспешно затолкал обратно.

— Что там? — любопытствовал Ехун.

Жун Жо густо покраснел.

— Это... женское исподнее... — едва слышно пробормотал он.

Ехун не сдержал усмешки:

— Глядите-ка, как ты засмутился. Неужто ни разу и за руку девушку не держал?

Он вспыхнул ещё сильнее:

— Глава Чу, не насмехайтесь. То, что я жил в «весёлых кварталах», ещё не значит, что я...

Цзян Ехун легонько щелкнул его по переносице:

— Да я же не в обиду. Просто шутка. Однако и впрямь загадка: зачем одинокому мужчине хранить у себя женское бельё?

Жун Жо, стараясь держаться подальше от комода, лишь молча пожал плечами. Ехун же, заметив свою руку, замер. Он всё ещё помнил прикосновение к лицу спутника. «Не перешёл ли я черту? — кольнула тревожная мысль. — Стал бы названный брат так вольно себя вести?» Сама мысль о «братстве» вдруг вызвала у него острое раздражение. «К чёрту всё это», — сердито подумал он и широким шагом направился к выходу, но в спешке споткнулся о высокий порог. Развернувшись, он от души пнул ни в чём не повинную деревяшку.

Жун Жо замер в замешательстве, не решаясь спросить о причине внезапной вспышки гнева. Цзян Ехун, чувствуя неловкость, поспешил сменить тему:

— А-Жо, как тебе вообще удалось снести голову тому живому мертвецу? У него кулаки были крепче камня — мне кость едва в труху не раздробило.

Жун Жо виновато опустил взгляд, нервно теребя рукав:

— Глава Чу, я...

Увидев, как задрожали плечи юноши, Ехун мгновенно остыл. Он готов был сам себе отвесить оплеуху. Ведь Жун Жо прибегнул к колдовству лишь в момент смертельной опасности. Если бы у него и впрямь была власть над миром, разве томился бы он в музыкальных домах? Всё это было лишь ради спасения — их обоих. Наверняка он сам напуган до смерти.

— Не хочешь — не говори, — мягко произнёс Ехун. — Я просто... понимаешь, я ведь всегда считал, что смогу защитить тебя. А вышло так, что это тебе пришлось нарушить все заветы и спасти меня.

— Вы пострадали, защищая меня... — тихо ответил Жун Жо. — Я лишь вернул долг. Вам не в чем себя винить.

— Ты зовёшь меня братом, — горько усмехнулся Ехун, — но какой из меня старший брат? Ты... ты и вправду считаешь...

— Что?

Ехун осёкся. Зачем спрашивать? Для Жун Жо он — лишь спаситель, человек, которому тот

благодарен. Он натянуто улыбнулся и ерошил волосы:

— Ничего. Пойдём в ямэнь.

Стоило им переступить порог ямэня, как они увидели толпу ловчих, собравшихся у входа в мертвецкую. Гул голосов и суета окончательно доконали Ехуна.

— Чего столпились?! Заняться нечем? — рявкнул он.

Ловчие разом притихли, испуганно переглядываясь. Настроение начальника явно было хуже некуда.

Старый Хо, не спеша снимая перчатки, вышел вперёд:

— Чего ты кипятишься? Кто это кошку поперёк шерсти погладил?

Цзян Ехун, понимая, что сорвался на подчинённых ни за что, выдохнул:

— Нашёл что-нибудь?

Хо Ча жестом пригласил их подойти ближе. На подносе лежала... маска из человеческой кожи. Ехун изменился в лице:

— Это ещё что такое?

Лао Хо откинул белую простыню, укрывавшую тело. Цзян Ехун замер в оцепенении. Перед ним лежало совершенно чужое лицо.

— Это не У Юй.

— Верно, не он, — усмехнулся Хо Ча.

В голове Цзян Ехуна воцарился полный сумбур.

— Но тогда... где настоящий У Юй?

Хо Ча лишь развёл руками:

— А вот это уже по вашей части, господин начальник. Тут я не помощник.

Цзян Ехун устало потёр переносицу. С чего начинать? Мысли путались, не желая складываться в единую картину.

— Нужно проверить всех, с кем он знался, — подал голос Жун Жо. — Родственников, друзей...

— Точно! — Ехун словно очнулся. — Именно это и сделаем. Лао Чжао на месте?

— Здесь я! — Чжао Чэнь тут же подскочил к начальнику. — Какие будут приказания?

— Выясни, кто водил дружбу с У Юем. И пусть художник сделает набросок с покойника — разошлём по городу, вдруг кто опознает.

Чжао Чэнь присмотрелся к лицу на столе, нахмурился, а потом хлопнул себя по лбу:

— Глава Чу, никакой художник не нужен. Я знаю этого парня.

— Ты? Откуда?

— Да это же Го Цзянь, ученик старого мастера теней Го Цзыфана! Я его не раз видел на представлениях. Как же он в шкуре У Юя оказался?

Ехун замер. Театр теней... В день смерти У Хуэйюнь на окне видели силуэт — Жун Жо тогда предположил, что это была кукла.

— Тащи сюда этого Го Цзыфана. Живо!

Вскоре Чжао Чэнь привёл сухонького, седого старика. Тот выглядел настолько измождённым, будто долго болел. Ловец помог ему опуститься на стул. Старик тяжело дышал:

— Кабы не вы, господа служивые, помер бы я голодной смертью в своём доме.

— Что стряслось? — нахмурился Ехун.

— Да вот, — махнул рукой Чжао Чэнь, — третьего дня старик упал неудачно, слёг. Когда я пришёл, он уже с кровати сполз, по полу ползал. Кроме Го Цзяня у него никого нет, а парень как сквозь землю провалился.

Ехун велел подать старику воды:

— Старец, когда Го Цзянь ушёл из дома?

Го Цзыфан утёр слезу:

— Два дня назад. Как я захворал, он от меня ни на шаг не отходил, а тут... Господин ловец, с ним ведь беда случилась, верно?

Цзян Ехун не нашёл в себе сил сказать правду. Но старик, верно, и сам всё понял по его молчанию — он закрыл лицо руками и горько зарыдал:

— Хороший он был мальчик... Золотой ребёнок...

Ехун чувствовал, как комок подкатывает к горлу. Нет ничего страшнее, чем видеть слёзы старика, пережившего своего воспитанника. Жун Жо мягко коснулся плеча мастера:

— Дедушка, вы должны беречь себя. Скажите, Го Цзянь был вашим родным сыном?

— Нет, — старик немного успокоился. — Восемнадцать лет назад У Хуэйюнь принесла мне младенца. Сказала, сирота из дальней родни. У меня тогда как раз жена с дитём померли, я на него глянул — и сердце зашлось. У Хуэйюнь все эти годы деньги слала, говорила — от родственников...

— У Хуэйюнь? — Цзян Ехун был поражён.

— Она самая. Хозяйка лавки. Приходила часто, одежду ему шила самолично... Я порой грешным делом думал, не мать ли она ему родная.

Клубок загадок запутывался всё сильнее. Если У Юй — сын У Хуэйюнь и Цуй Ина, то кем тогда был Го Цзянь?

Жун Жо продолжил расспрос:

— Вы великий мастер теней. Го Цзянь перенял ваше искусство?

Руки старика задрожали:

— Да... Он был талантливее меня. Превзошёл учителя. Мечтал о большой сцене... Недавно сделал две огромные марионетки, говорил — для друга.

— Для какого друга?

— Кажется, для У Юя. Племянника хозяйки У. Тот больно интересовался нашим делом.

— А делать лица... маски из кожи... он тоже умел?

Лицо Го Цзыфана вдруг посерело. Он долго молчал, прежде чем вымолвить:

— Говорил я ему... чуял, что не к добру это. Маскам меня мой учитель обучил, а потом каялся, твердил, что это ремесло лишь беды приносит. Наказывал в тайне держать. А я... выпил лишнего, да и выболтал всё парню... Неужто это мастерство его и погубило? Ох, грехи мои! Моя вина, всё моя вина!..

Старик забился в рыданиях, качаясь из стороны в сторону. Теперь сомнений не оставалось: Го Цзянь владел секретом изготовления человеческих масок.

<http://bllate.org/book/17428/1663718>